

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД****Зарубежная философия.
Исторический экскурс****Понятие «Sachverhalt»: «положение вещей»
в австрийской философии XIX века***

В.В. Селиверстов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия «Sachverhalt» в австрийской философской традиции XIX в. В частности, речь идет о текстах Бернарда Больцано, Рудольфа Лотце, Юлиуса Бергмана, Франца Brentano, Карла Штумпфа, Антона Марти и Алексиуса Майнонга. Включение понятия «Sachverhalt», или «положение вещей», или «со-бытие», в обширные философские дискуссии связано с работами Л. Витгенштейна. Менее известны исследования на эту тему феноменолога Адольфа Райнаха. Райнах критикует предшествующие теории суждения, в том числе те, которые строились на оценке, утверждении или отрицании отдельного предмета, в то время как введение понятия «Sachverhalt» позволяет разрешить ряд логических противоречий, возникающих перед теорией суждения. Ключевой вопрос данного исследования – существовала ли единая традиция использования понятия «Sachverhalt» до концепций Райнаха и Витгенштейна? Мы встречаем этот термин у Лотце и Штумпфа, но какое место он занимает в их концепциях? Решает ли он те задачи, о которых пишет Райнах? В данном исследовании я собираюсь ответить на вопрос, насколько справедлива критика Райнаха, а также проанализировать различные теории суждения в австрийской

---

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-01-0016) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

философии, чтобы определить, можно ли вообще говорить о «Sachverhalt» как о единой сущности, объединяющей концепции всех авторов в австрийской традиции.

Ключевые слова: Лотце, Райнах, Больцано, Штумпф, Марти, Брентано, Майнонг, положение вещей, положение дел, со-бытие, теория суждения, австрийская философия.

Селиверстов Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

vseliverstov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5779-1355>

Цитирование: *Селиверстов В.В.* (2018) Понятие «Sachverhalt»: «положение вещей» в австрийской философии XIX века // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1. С. 106–120.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

The Concept of Sachverhalt: The State of Affairs in the Austrian Philosophy of the 19th Century*

V.V. Seliverstov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Original research paper

Abstract

This article considers the concept of Sachverhalt in the Austrian philosophical tradition of the 19th century. In particular, we examine the works of Bernard Bolzano, Rudolf Lotze, Julius Bergmann, Franz Brentano, Karl Stumpf, Anton Marty and Alexius Meinong. The emergence of the concept of Sachverhalt, or the state of things, in extensive philosophical discussions is connected with the works of L. Wittgenstein and phenomenologist Adolf Reinach. Reinach criticized previous theories of judgment. He wrote that

---

* The article is based on the results of the research (no. 17-01-0016) within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2016–2017 and is funded through the allocated by HSE subsidy for state support of the leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world’s leading research and educational centers.

they were built on the evaluation, affirmation or negation of a particular object. And that is a mistake. Only introduction of the concept of *Sachverhalt* allows us to solve a number of logical contradictions that faces the theory of judgment. We find this term in the works of Lotze and Stumpf, but what is its position in their theories? Does it solve the problems that mentions Reinach? Therefore, in this study, we answer the question of how fair is Reinach's criticism. Also we analyze the various theories of judgment in Austrian philosophy to determine whether it is possible to speak of *Sachverhalt* as a single entity connecting the concepts of all authors in the Austrian tradition.

Keywords: Lotze, Reinach, Bolzano, Brentano, Meinong, Stumpf, Marty, theory of judgement, state of affairs, Austrian philosophy.

Vladimir Seliverstov – Ph.D. in Philosophy, Lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

vlseliverstov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5779-1355>

Citation: Seliverstov V.V. (2018) The Concept of *Sachverhalt*: The State of Affairs in the Austrian Philosophy of the 19th Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 106–120. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Введение. Адольф Райнах против брентановской теории суждения

В 1911 г. феноменолог Адольф Райнах в своей работе «К вопросу о теории негативного суждения» обрушился с критикой на брентановскую теорию суждения, т.е. на теорию суждения как самого Brentano, так и его учеников. Brentano выделял два вида суждений: позитивное суждение как «признание» («Anerkennen») и негативное суждение как «отвержение» («Verwerfen»). По мысли Райнаха, подобное разделение приводит к многозначности используемых терминов. Непонятно, что мы «признаем» в нашем суждении. Ведь сначала, согласно теории Brentano, мы мыслим некий предмет представления, а потом уже выносим наше суждение о его существовании или несуществовании. Таким образом, по мысли Райнаха, понятие «признание» может трактоваться и как признание наличия некой вещи в качестве предмета нашего представления, и как выносимое нами утверждение о ее существовании и несуществовании. «Есть признание, которое не несет в себе ничего из оценки в собственном смысле и более точно может быть охарактеризовано как согласие [*Zustimmung*]. Я слышу, например,

высказываемое суждение “*A* есть *b*”, понимаю его, обдумываю его и затем, соглашаясь с ним, говорю “да”. В этом “да” заключено согласие, признание; но и здесь признание не является суждением. Да и какого рода суждением могло бы быть это признание? Суждением “*A* есть *b*”? Конечно, нет. Ибо это суждение относится к *b*-бытию *A* [*b*-sein des *A*], к этому положению дел, в то время как признание, которое мы сейчас имеем в виду, относится к суждению “*A* есть *b*”. Легко заметить, что положение дел не есть то же, что и суждение, которое его полагает [setzt]. Я могу и таким образом ответить на услышанное суждение: “Да, *A* действительно есть *b*”. Здесь мы имеем признание согласия и суждение, которое очевидным образом отличается от этого признания. Во-первых, говоря “да”, я соглашаюсь с услышанным суждением, а затем я сам, со своей стороны, сужу “*A* есть *b*”. Теперь это суждение равным образом можно назвать признанием, а именно признанием положения дел “*b*-бытия *A*”. И именно в этом заключена опасность той путаницы, о которой мы здесь говорим. Признание согласия и признание, заключенное в суждении, фундаментально различаются, различаются и как акты, и по своей предметной сопряженности. Если мы воспользуемся той двусмысленностью, которая имеет здесь место, то мы можем сказать: признание согласия есть признание заключенного в суждении признания. Некоторая путаница в теории суждения объясняется тем, что подлинное суждение подменяется соглашающимся признанием» [Райнах 2006, 482–483].

Эта путаница, по мысли Райнаха, произошла потому, что брентановское суждение основано на представлении. Чтобы решить проблему, необходимо вместо того, чтобы говорить о представлении каждой отдельной вещи, ввести понятие положение дел, или положение вещей – *Sachverhalt*. И на нем уже основывать наше суждение. Иначе говоря, базовым элементом суждения должно быть некое положение вещей, а не единичный предмет. Мир по Райнаху состоит из положений вещей, а не предметов. Отметим, что несколькими годами позже выходит в свет «Логико-философский трактат» Витгенштейна, где *Sachverhalt* становится одним из центральных понятий новой теории. В данной статье мы не настаиваем, на каком-то конкретном переводе данного понятия на русский язык, поскольку в русскоязычной традиции не существует единого варианта перевода для данного понятия. Для нас важно понять, употребляется ли самими немецкоязычными авторами понятие *Sachverhalt* в одном значении.

Итак, Райнах здесь отмечает, что брентановская теория суждения пошла по ложному следу, и отчасти это произошло потому, что

в терминологии Brentanovskoy школы не существовало понятия «Sachverhalt». Но так или это? Поэтому для того, чтобы определить, насколько справедливыми были упреки Райнаха, нам надо проанализировать различные теории суждения в австрийской философии. Это позволит нам понять место Brentanovskoy теории суждения в данной традиции, а также получить ответ на вопрос о том, действительно ли в этой теории не было такого понятия.

Происхождение понятия Sachverhalt. Влияние Больцано

Трудно сказать, кто ввел это понятие в философский лексикон. Историк философии Барри Смит три раза менял свою точку зрения по данному вопросу. В разное время в разных работах «изобретателями» Sachverhalt у него становились и Карл Штумпф, и Рудольф Лотце, и Юлиус Бергман.

Бернард Больцано, один из самых ранних представителей австрийской философии, также назывался в качестве авторов этого понятия. Гроссман указывает на то, что больцановское понятие «предложение-в-себе» повлияло на появление понятия Sachverhalt [Grossman 1995]. Больцано действительно оказал значительное влияние на становление австрийской философии. Даже ученики Brentano искали ответы на поставленные им вопросы в работах Больцано. Больцано ввел разделение на субъективные и объективные представления. На основе последних, с его точки зрения, можно сформулировать предложения-в-себе, или объективные предложения. «Под *предложением в себе* я понимаю только некоторое высказывание, что нечто есть или не есть, независимо от того, является ли это высказывание истинным или ложным, выражал ли его кто-нибудь в словах или не выражал, а также независимо от того, мыслил ли его кто-нибудь в уме или нет. Если нужен *пример*, где слово *предложение* фигурирует в установленном здесь значении, то я приведу следующий, сходный со множеством аналогичных примеров. “Бог, как всеведущее существо, знает не только все истинные, но и все ложные предложения, не только те, которые какое-либо сотворенное существо считало истинными или хотя бы могло составить о них некоторое представление, но и те, которые никто не считал истинными, не представлял себе и даже никогда не будет представлять”» [Больцано 2003, 65].

Sachverhalt у Бергмана и Лотце

Юлиус Бергман в 1879 г. публикует работу под названием «Общая логика», в которой впервые вводится понятие «Sachverhalt». Sachverhalt для него – это объективная составляющая познания, а

познание – это «мышление, в котором мыслимое находится в соответствии с положением вещей [Sachverhalt]» [Bergmann 1879, 2]. Барри Смит в принципе довольно однозначно относит Бергмана к объективным идеалистам [Smith 1996, 324]. Более точную концепцию Sachverhalt выстраивает Лотце в своей «Логике» [Lotze 1880], которая выходит годом позже. С точки зрения Лотце, Sachverhalt – это такая совокупность объектов и взаимоотношений между ними, которая проявляется как в сознании, так и реальном мире. Причем это такая совокупность объектов, такое положение вещей, при котором содержание истинного суждения тождественно некоторому факту в реальном мире. По мнению исследователя философии Лотце Николая Милкова, Лотце первым использовал понятие Sachverhalt в значении объективного содержания суждений [Milkov 2002]. Как пишет Барри Смит, «и Лотце, и Бергман тяготеют к такой объективной модели суждения, такому его предназначению, которое бы являлось трансцендентальным в отношении сознания субъекта, выносящего суждение» [Smith 1996, 326]. Они пытались избежать современного им немецкого идеализма, поместившего все объекты опыта и знания в сознание познающего субъекта. При помощи такой онтологии Sachverhalte они пытались вывести логику из сферы ментального. Барри Смит при этом замечает, что Лотце позднее полностью отказался от идентичностной теории истинности, на что повлиял его «платонистский подход к анализу объектов суждений» [Smith 1996, 326].

Переоткрытие понятия Карлом Штумпфом

В отдельных работах настоящим первооткрывателем понятия «Sachverhalt» часто называют ученика Франца Brentano, Карла Штумпфа. И речь идет о работах не только Барри Смита, который не раз менял свою точку зрения, но также и Кевина Маллигана. В автобиографии Штумпф комментирует свое открытие следующим образом: «Понятие “положений дел” [Sachverhalte], играющее все большую роль в новейшее время (Зельц, Кюльпе и др.), было введено Brentano, который очень хорошо понимал его важность. Я только заменил его термин “Urteilsinhalt” [содержание суждения] на ныне употребительное выражение, а именно, впервые в 1888 году, в моей лекции по логике в Галле» [Штумпф, 2003, 107]. И далее: «От психических функций я отличаю психические формообразования, которые образуют специфические содержания психических функций. Таковым при объединении выступает совокупность, при суждении – положение дел [Sachverhalt. – В. С.], в случае понятийного мышления – содержание понятия,

а при чувствовании и желании – пассивная и активная ценность» [Штумпф 2003, 117]. Кевин Маллиган согласен со Штумпфом [Mulligan 1985, 145] и подтверждает, что брентановское понятие «содержание суждения» тождественно *Sachverhalt* у Штумпфа. Более того, Штумпф лишь немного улучшил брентановское понятие, ведь Brentano лишь выделил «содержание» из «материи» суждения. Но проблема заключается в том, что само понятие «содержание» у Brentano крайне неоднозначно, и виновником такой неоднозначности, вероятно, был сам Brentano. Все началось с известного брентановского определения интенционального внутреннего существования предмета (*intentionale Inexistenz*), которое у Brentano характеризуется «отношением к содержанию, направленностью на объект» [Brentano 1996, 33]. Далее в тексте брентановской «Психологии с эмпирической точки зрения» вновь встречается понятие «содержание», но его употребление трудно назвать системным, и его значение Brentano нигде не проясняет. Однако это дает основание ученикам Brentano, в частности Твардовскому, Хёфлеру, Штумпфу, Марти и Майнонгу, заняться разработкой данного понятия.

Хотя поздний период творчества Brentano может быть охарактеризован как переход к реизму, но только в этот период Brentano проясняет ситуацию с понятием «содержание», а именно фактически утверждает, что содержание тождественно предмету. И тут уже неважно, является ли это содержание содержанием суждения или представления. В примечаниях к переизданию «Психологии» в 1911 г. Brentano критикует своих учеников не только за неверную интерпретацию своих идей, но также и за то, что их исследования понятия «содержания» привели их к некорректным выводам. «Тот факт, что субъект относится к одному и тому же по-разному, заставлял людей говорить о чем-то, что в некотором роде больше, чем предмет, поскольку оно включает предмет в себя, а также находится внутри субъекта. Его называют “содержанием” психической отнесенности. Особенно в связи с психическим актом вынесения суждений, говорилось о содержании суждения, равно как и о предмете. Если я выношу суждение: “Кентавр не существует”, то, выходит, объект является кентавром, но содержание суждения состоит в том, что кентавр не существует, или же просто содержанием является несуществование кентавра. Если считается, что это содержание находится в субъекте, то “быть” опять-таки используется в вольной, ненадлежащей интерпретации и означает точно то же самое, что и “быть” в подлинном значении во фразе: “Здравомыслящий

субъект отрицает существование кентавра в *modus praesens*”... Между содержанием и предметами иногда проводится аналогия, которая, как предполагается, заключается в том, что определенные содержания, подобно определенным предметам, имеют не только ненадлежащее значение, но и используются в подлинном значении, а другие содержания, как и другие объекты, нет. Для этой аналогии не находится подтверждения» [Brentano 1959, 158]. В результате мы имеем непроясненное использование понятия «содержание» в один период творчества Brentano и артикулированное отрицание «содержания» как такового, отделенного от предмета, в другой. Поэтому вряд ли можно утверждать, что Штумпф переформулировал или улучшил брентановский термин. Он работал с тем термином, который придумал сам. Другое дело, что, возможно, на Штумпфа повлияли труды другого авторитетного австрийского мыслителя – Бернарда Больцано. Именно к работам Больцано обратились ученики Brentano в ходе обсуждения понятия «содержания», в частности к больцановскому определению понятия «предложение-в-себе». Помимо этого, Барри Смит указывает на определенное сходство понятия «Sachverhalt» Штумпфа с понятиями «Begriffsschrift» и «мысль» у Фреге [Smith 1978, 49].

С точки зрения Бреттлер, Sachverhalte Штумпфа призваны «служить логической функцией посредника между явлением, о котором выносится суждение, и актом суждения. Штумпф считал, что они логически зависимы от актов суждения, хотя их и следует отличать от акта суждения как такового... Они являются логическими сущностями, зависящими от психических функций, но объективными с точки зрения Штумпфа и реальными, поскольку являются содержанием действительного суждения» [Brettler 1973, 26]. Во всяком случае здесь стоит заметить, что со Штумпфа началась новая традиция интерпретации Sachverhalt. Штумпф уже работает с новой интенциональной теорией сознания, предложенной Brentano.

Лотце и Бергман пытались предложить собственную онтологию для Sachverhalt, независимую от познающего субъекта (концепции их современников из числа немецких идеалистов). Однако, это привело к тому, что они фактически отождествили Sachverhalt с объективным содержанием суждения, что сближает их концепции с концепцией Больцано. Таким образом, на смену условно платонистской традиции (Больцано, Лотце, Бергман), в котором Sachverhalt отождествляется с объективным содержанием суждений, приходит психологическая интерпретация Sachverhalt.

Связь *Sachverhalt* с понятием «содержания суждения» у Марти

Если Штумпф по собственному заверению стал использовать понятие *Sachverhalt* вместо брентановского «содержания суждения» (*Urteilsinhalt*), то другой ученик Брентано – Антон Марти – в своих работах предпочитал использовать оригинальный брентановский термин. Как пишет сам Марти, «то, что наши высказывания передают с некоторой регулярностью, есть лишь то, что можно назвать содержанием наших суждений. Это значит, они передают материю суждения (лежащие в его основе представления) и его качество, т.е. характер суждения как утверждения или отрицания» [Марти 2004, 139]. Как видно, Марти пытается раскрыть понятие «содержание суждения» путем подбора синонимов, что не слишком проясняет положение этого элемента в его теории суждения. Как мы помним брентановские понятия «утверждение» и «отрицание» отчасти использовались для того, чтобы установить истинность или ложность суждения о существовании предмета представления. А поскольку Марти продолжает работать в брентановской парадигме, эти понятия используются им схожим образом. Тогда получается, что истинность или ложность суждения зависит от того, утверждается или отрицается его содержание, т.е. существует или нет тот предмет, о котором идет речь в суждении. Эдгар Моршер также считает, что содержания суждения Марти «являются тем, что мыслится и что оценивается в суждении; это содержание суждения, а не предмет, о котором выносятся суждение, которому суждение должно соответствовать, чтобы быть истинным... Когда Марти иногда все же говорит об истинности или ложности суждения, он не имеет в виду ничего иного, кроме их бытия или небытия» [Morscher 1990, 193, 189]. Тогда получается, что у истинного суждения есть содержание, в котором признается существование предмета, а у ложного содержание и вовсе отсутствует. Анализ теории суждения Марти приводит Моршера к мысли о том, что «содержания суждения» Марти являются фактами [Morscher 1990, 187–188]. Тут надо отметить, что Марти активно использует понятие «факт» (*Tatsache*), но при этом нигде его не уточняет, не описывает то, как факты связаны с суждениями, а придерживается общих выражений, вроде того, что язык служит «для изъяснения фактов» [Марти 2004, 143]. Под фактами при этом могут в принципе пониматься истинные суждения, а не их содержания.

Sachverhalt и объектив. Сходства и различия

Барри Смит находит общие черты у содержаний суждений и объективов Алексиуса Майнонга. Они все «являются посредника-

ми между суждениями, с одной стороны, и объектами, с другой» [Smith 1994, 106]. Майнонг предложил более структурированную версию брентановской дескриптивной психологии, в которой объединил и идею интенциональности, и теорию суждений. В его теории выделяется несколько типов предметов (Gegenstand). В частности, предметы делятся на предметы представления, которые он назвал объектами (objecta), и предметы суждений, которые он как раз назвал объективами. Майнонг считал, что любой предмет может быть дан в представлении, даже обладающий противоречивыми свойствами. Такие объекты он называл чистыми, т.е. теми, которые являются объектами в силу просто интенциональной направленности сознания на них. Решение о существовании или несуществовании объекта принимается в акте суждения, предметом которого и является объектив. «Объектив выполняет опять же функцию подлинного объекта, в частности он может быть предметом нового, направленного на него как на объект, суждения, а также иных интеллектуальных операций. Когда я говорю: “истинно, что противоположности существуют”, то истинность приписывается не противоположностям, а объективу “того, что противоположности существуют”» [Майнонг 2011, 206]. Известно, что Майнонг подумывал над тем, чтобы назвать предметом суждения некоторое положение вещей, Sachverhalt. По утверждению Финдли [Findlay 1963, 60], он уже был знаком с данным понятием, знал о предыдущей философской традиции его употребления, но все же предпочел использовать вместо него термин «объектив», потому что он по смыслу более нейтрален в отношении истинности или ложности выносимого о нем суждения. В акте суждения предмет суждения в принципе может быть признан ложным. А недействительный предмет суждения, с его точки зрения, не может называться «положением вещей». Как отмечает Питер Саймонс, Майнонг предпочел использовать «объектив» потому, что понятие «Sachverhalt» как положение вещей скорее подразумевает, что такое положение является истинным. «Объективы могут в лучшем случае существовать, тогда как многие объекты также могут быть действительными и реальными в пространстве и времени. Если объектив “Грац находится в Австрии” содержит Грац как часть, то он будет объективом, имеющимся в наличии, включающим себя часть, которая обладает реальным существованием. А если объектив “Шерлок Холмс не существует” содержит Шерлока Холмса в качестве своей части, то тогда у него будет часть, которая вообще не существует. Оба случая абсурдны, полагает Майнонг, поэтому объект, связанный с объективом, не является его частью» [Simons 1999, 22–23].

Как пишет Финдли, «Майнонг пытается доказать, что они являются уникальной и нередуцируемой сущностью, необходимой для нашего знания о реальности и самой реальностью как таковой» [Findlay 1933, 59]. Основная функция объектива состоит в том, чтобы служить психическим содержанием ложных предположений. Однако в отличие от Родерика Чизолма, поставившего знак равенства между объективом Майнонга, пропозициями Рассела и мыслями у Фреге [Chisholm 1982, 46], Финдли не считает, что объективы являются пропозициями, поскольку пропозиции вроде «снег – белый» отличаются от бытия снега белым. «Ясно, что объектив “снег – белый” ничего не сообщает и ничего не значит, ничему не соответствует, ничего не предсказывает... Это просто бытие снега белым» [Findlay 1933, 70]. Пропозиции Рассела к 1904 г. и объективы Майнонга, с точки зрения Финдли, объединяло лишь то, что они были предметами суждения. Но расселовские пропозиции обладают бытием, и в этом с ним Майнонг не согласился бы. Единственные объективы, которые он хотя бы просто назвал «имеющимися в наличии» (*bestehen*), это факты.

Здесь речь идет о важном разделении двух типов существования: действительное существование и наличие. Наличие, *Bestand* – это экзистенциально нейтральная характеристика статуса предмета. Так вот объективы в принципе выступают и в качестве фактов, и в качестве элементов человеческого сознания. Они у Майнонга связаны и с языком, и с сознанием. Поэтому, «поскольку Майнонг приписывает своим объективам так много свойств, сколько никто и не мечтал бы приписывать пропозициям, и поскольку пропозициональная теория истинности полностью отличается от теории Майнонга, если мы будем отождествлять объективы с пропозициями, то это может привести к путанице» [Findlay 1933, 88–89]. Рассел не понимал смысла в выделении дополнительного типа существования, поэтому и майнонговская теория предметов показалось ему впоследствии бесперспективной, вследствие чего развитие его теории пошло по другому пути.

Теория предметов Майнонга во всех смыслах находится на стыке философии брентановской школы и аналитической философии. Его теория вобрала и учла все значимые дискуссии, проходившие в австрийской философии. Но при этом он попытался на их основе выстроить самостоятельную теорию. Эта теория была замечена в дальнейшем многими представителями аналитической философии, в частности Расселом и Райлом, а также привела к развитию реалистской традиции в рамках аналитической философии (Т. Парсонс, Р. Роутли, Э. Залта и др.). Однако это и вызывает

определенные трудности при интерпретации его понятия «объектива», поскольку до конца из работ Майнонга мы так и не узнаем, является ли объектив элементом сознания или языка. Моршер в связи с этим пишет, что «объективы Майнонга занимают двусмысленное положение между пропозициями и положениями вещей: они всегда включают в себя предметы в терминологии Майнонга, но многие из этих майнонговских предметов не являются, строго говоря, “нормальными” объектами. Большинство из них являются гибридами, обладающими некоторыми характеристиками и объектов, и понятий» [Morscher 1986, 78–79].

Выводы

Критика Адольфом Райнахом Brentановской теории суждения лишь отчасти является справедливой. Райнах настаивал на том, что в теории суждения Brentано и его учеников не существовало такого понятия, как *Sachverhalt*, что неизбежно приводит к путанице при описании процесса суждения. В ходе данного исследования мы выяснили, что в концепциях последователей Brentано существовал аналог *Sachverhalt*, при помощи которого они пытались решить те проблемы, которые присутствовали в теории суждения их учителя.

Кроме этого, в ходе анализа мы выявили две традиции интерпретации данного понятия в рамках австрийской философии. Одну из них можно назвать платонистской (Больцано, Лотце, Бергман), а другую – психологической (Штумпф, Марти, Майнонг). Кроме того, надеюсь, что в данном исследовании удалось показать, что самого Brentано вряд ли можно отнести к тем авторам, которые занимались развитием понятия *Sachverhalt*.

В русскоязычной традиции пока не существует единого перевода для данного понятия. Эта проблема связана также в свою очередь с переводами текстов Витгенштейна, где оно обрело новую жизнь. Там мы можем встретить как «положение вещей», так и «со-бытие». В случае с австрийской философией эта проблема связана с вопросом о том, можем ли мы говорить о существовании единого представления о *Sachverhalt* в австрийской традиции, о его значении для развития философского знания. Само это понятие было введено в философский лексикон не случайно. Как мы уже упоминали, Бергман и Лотце при формулировании концепции *Sachverhalt* руководствовались тем, чтобы сделать его трансцендентальным, создать для него свою онтологию, онтологию *Sachverhalt*. То же самое можно сказать и о школе Brentано. Как пишет Моршер [Morscher, 1986, 80–82], представители школы Brentано искали

новые носители истинности и условия истинности, поскольку общепринятые носители истинности, вроде предложений или мыслей, а также условия истинности, вроде объектов предложений и мыслей, зависимы от пространства и времени, языка и сознания, изменчивы. В этом отношении, на мой взгляд, можно сказать, что такое понимание *Sachverhalt* было близко как Лотце с Бергманом, так и ученикам Brentano. Поэтому возможен и единый перевод данного понятия, по крайней мере, для австрийской традиции. Таковым, в частности, может являться «положение вещей». Данное словосочетание ближе по смыслу к оригинальному понятию.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Больцано 2003 – *Больцано Б.* Учение о науке. – СПб.: Наука, 2003.
- Брентано 1996 – *Брентано Ф.* Избр. работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996.
- Майнонг 2011 – *Майнонг А.* О теории предметов / пер. с нем. и вступ. статья В. Селиверстова // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 198–230.
- Марти 2004 – *Марти А.* Об отношении грамматики и логики // Логос. 2004. № 1. С. 138–168.
- Райнах 2001 – *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 481–543.
- Штумпф 2003 – *Штумпф К.* Самоизложение // Логос. 2003. № 3 (38). С. 80–128.
- Bergmann 1879 – *Bergmann J.* Allgemeine Logik, I. Reine Logik. – Berlin: Mittler, 1879.
- Brentano 1959 – *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt II. Unveränderter Nachdruck. – Hamburg: F. Meiner, 1959.
- Brettler 1973 – *Brettler L.A.V.* The Phenomenology of Adolf Reinach: Chapters in the Theory of Knowledge and Legal Philosophy. – Montreal: McGill University, 1973.
- Chisholm 1982 – *Chisholm R.* Homeless Objects // *Chisholm R.* Brentano and Meinong Studies. – Atlantic Highlands, N J: Humanities Press, 1982.
- Findlay 1933 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects. – Oxford: Oxford University Press, 1933.
- Findlay 1963 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects and Values. – Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Grossman 1995 – *Grossman R.* Thoughts, Objectives, and States of Affairs // Grazer philosophische Studien. 1995. Vol. 50. P. 163–169.
- Grossman 1998 – *Grossman R.* Wittgenstein and the Problem of Non-Existent States of Affairs // *Acta Analytica*. 1998. Vol. 21. P. 139–146.
- Milkov 2002 – *Milkov N.* Lotze's Concept of State of Affairs and Its Critics // *Prima Philosophia*. 2002. Vol. 15. No. 4. P. 437–450.
- Morscher 1986 – *Morscher E.* Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein // *From Bolzano to Wittgenstein: The*

Tradition of Austrian Philosophy. – Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. P. 75–85.

Morscher 1990 – *Morscher E.* Judgement-Contents // Mind, Meaning, and Metaphysics: The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty / ed. by K. Mulligan. – Dordrecht: Kluwer, 1990.

Mulligan 1989 – *Mulligan K.* Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations // Epistemologia. 1989. Vol. 12. P. 204–234.

Mulligan 1985 – *Mulligan K.* Wie die Sachen sich zueinander verhalten: inside and outside the “Tractatus” // Teoria. Logica e filosofia del linguaggio. 1985. Vol. 5. P. 145–174.

Simons 1992 – *Simons P.* The Old Problem of Complex and Fact // *Simons P.* Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays. – Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992. P. 319–339.

Simons 1999 – *Simons P.* Bolzano, Brentano and Meinong: Three Austrian Realists // German Philosophy Since Kant. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Smith 1996 – *Smith B.* Logic and the Sachverhalt // The School of Franz Brentano / ed. by L.M.L. Albertazzi, R. Poli. – Dordrecht: Kluwer, 1996.

Smith 1978 – *Smith B.* An Essay in Formal Ontology // Grazer philosophische Studien. 1978. Vol. 6. P. 39–62.

Smith 1994 – *Smith B.* Austrian Philosophy. – LaSalle, IL: Open Court, 1994.

REFERENCES

Bolzano B. (1837) *Theory of Science* (Russian translation: Saint Petersburg: Nauka, 2003).

Brentano F. (1874) *Psychology from Empirical Standpoint* (Russian translation in: Brentano F. *Selected works*. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 1996).

Brentano F. (1959) *Psychologie vom empirischen Standpunkt II. Unveränderter Nachdruck*. Hamburg: F. Meiner.

Bergmann J. (1879) *Allgemeine Logik, I. Reine Logik*. Berlin: Mittler.

Brettler L.A.V. (1973) *The Phenomenology of Adolf Reinach: Chapters in the Theory of Knowledge and Legal Philosophy*. Montreal: McGill University.

Chisholm R. (1982) Homeless Objects. In: Chisholm R. *Brentano and Meinong Studies*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.

Findlay J.N. (1933) *Meinong's Theory of Objects*. London: Oxford University Press.

Findlay J.N. (1963) *Meinong's Theory of Objects and Values*. Oxford: Clarendon Press.

Grossman R. (1995) Thoughts, Objectives, and States of Affairs. *Grazer philosophische Studien*. 1995. Vol. 50, pp. 163–169.

Grossman R. (1998) Wittgenstein and the Problem of Non-Existent States of Affairs. *Acta Analytica*. Vol. 21, pp. 139–146.

Marty A. (1920) On Relations between Grammar and Logic (Russian translation in: *Logos*. 2004. No. 1, pp. 138–168).

Meinong A. (1904) On Theory of Objects (Russian translation in: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2011. No. 1, pp. 198–230).

Milkov N. (2002) Lotze's Concept of State of Affairs and Its Critics. *Prima Philosophia*. Vol. 15, no. 4.

Morscher E. (1986) Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein. In: *From Bolzano to Wittgenstein: The Tradition of Austrian Philosophy* (pp. 75–85). Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky.

Morscher E. (1990) Judgement-Contents. In: Mulligan K. (Ed.) *Mind, Meaning, and Metaphysics: The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty*. Dordrecht: Kluwer.

Mulligan K. (1985) Wie die Sachen sich zueinander verhalten: inside and outside the 'Tractatus'. *Teoria. Logica e filosofia del linguaggio*. Vol. 5, pp. 145–174.

Mulligan K. (1989) Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations. *Epistemologia*. Vol.12, pp. 204–234.

Reinach A. (1911) On the Theory of the Negative Judgment (Russian translation in: *Anthology of Realistic Phenomenology*. Moscow: Institute St. Thomas, 2006, pp. 481–543).

Simons P. (1992) The Old Problem of Complex and Fact. In: Simons P. *Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays* (pp. 319–339). Dordrecht; Boston: Kluwer.

Simons P. (1999) Bolzano, Brentano and Meinong: Three Austrian Realists. In: O'Hear A. (Ed.) *German Philosophy Since Kant*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith B. (1978) An Essay on Formal Ontology. *Grazer Philosophische Studien*. Vol. 6, pp. 39–62.

Smith B. (1994) *Austrian Philosophy*. LaSalle, IL: Open Court.

Smith B. (1996) Logic and the Sachverhalt. In: Albertazzi L.M.L., Poli R. (Eds.) *The School of Franz Brentano*. Dordrecht: Kluwer.

Stumpf K. (1924) Self-Presentation (Russian translation in: *Logos*. 2003. No. 3, pp. 80–128).